

**БАРГИНСКОЕ ВОССТАНИЕ 1928 г.
ЧАСТЬ I. ПРИЧИНЫ И НАЧАЛО ВОССТАНИЯ**

© 2020

С. А. Кузьмин*

В 1928 г. в монгольском регионе Барга (Хулунбуир) произошло восстание монголов, которые добивались автономии в рамках Китайской республики. Изучение до сих пор не вводившихся в научный оборот документов из нескольких российских архивов в сопоставлении с ранее опубликованными данными позволило приблизиться к подробной реконструкции обстоятельств, связанных с восстанием. Кратко обсуждаются деятельность баргинских членов Народно-революционной партии Внутренней Монголии, их контакты с Монгольской народно-революционной партией и курировавшим их Коминтерном. К основателям Народно-революционной партии Внутренней Монголии относились Мерсэ из Барги и несколько других молодых людей, еще до ее создания составившие революционную молодежную группу, давшую начало «Народной партии Восточного края», т. е. Барги, которая стала организатором восстания с целью достичь автономии Хулунбуира в рамках Китайской республики. Описываются события, связанные с деятельностью баргинских молодых революционеров из указанной партии, которые стремились совместить борьбу за автономию Барги с антифеодальной революцией под руководством Коминтерна. Подробно обсуждается деятельность представителя Коминтерна И. П. Степанова в указанной области. Приводятся сведения о ходе восстания в период его начала и подъема (от первых чисел до середины августа). Описаны контакты советских дипломатических представителей в столице Барги — Хайларе с монголами-баргугами и китайскими властями Барги, а также меры, принимавшиеся местными баргинскими властями, китайской администрацией и российскими жителями Хайлара в связи с началом восстания, предполагаемыми наступлением повстанцев и занятием ими этого города.

Ключевые слова: Монголия, Барга, Хулунбуир, Россия, Китай, Маньчжурия, Япония, Коминтерн, восстание 1928 г.

Для цитирования: Кузьмин С. А. Баргинское восстание 1928 г. Часть I. Причины и начало восстания. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2020. № 1. С. 100–114. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-1-100-114

**THE REBELLION OF 1928 IN BARGA.
PART I: CAUSES AND THE BEGINNING**

Sergius L. Kuzmin

---

* Сергей Львович КУЗЬМИН, доктор исторических наук, кандидат биологических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; ipe51@yahoo.com

Sergius L. KUZMIN, DSc (History), PhD (Biology), Principal Research Fellow, Institute of Oriental Sciences RAS, Moscow; ipe51@yahoo.com;

ORCID ID: 0000-0001-9544-1359

In 1928 in the Mongol region of Barga (Hulunbuir) started a rebellion for autonomy within the Republic of China. Documents from several Russian archives, not yet brought into academic circulation, together with published data allow us to research a detailed reconstruction of this rebellion. Activities of the Barga members of the People's Revolutionary Party of Inner Mongolia, their contacts with the Mongolian People's Revolutionary Party and Comintern are briefly discussed. The paper discusses events related to the activities of young Barga revolutionaries, belonging to this party, who sought to combine the struggle for Barga autonomy with the anti-feudal revolution under the leadership of Comintern. The activities of Comintern representative Ivan P. Stepanov in this area are analyzed in detail, complemented with the data on the development of the rebellion in the beginning and further, to mid-August. Contacts of Soviet diplomatic representatives in Hailar, the capital town of Barga, with Barga Mongols and Chinese authorities in the region, as well as with the Russians who lived in Hailar, are described with regard to the beginning of the rebellion, assumed attacks of the rebels, and probable capture of Hailar.

Keywords: Mongolia, Barga, Hulunbuir, Russia, China, Manchuria, Japan, Comintern, the rebellion of 1928.

For citation: Kuzmin S. L. The Rebellion of 1928 in Barga. Part I: Causes and the Beginning. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2020. 1. Pp. 100–114. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-1-100-114

Известно, что в 1928 г. в монгольском регионе Барга (Хулунбуир) произошло восстание монголов за автономию в рамках Китайской республики (см., например, [Lattimore, 1935, p. 131–133; Vulag, 2002, p. 144–145]), однако относительно подробные сведения об этом восстании приводятся лишь в некоторых публикациях [Базаров, 2002; Тарасов, 2003; Рубин, 2008; Цыбенков, 2017]. Особо следует отметить работы, написанные по монгольским, китайским и американским документам [Мягмарсамбуу, 2017а; 2017б; 2018; Atwood, 2002], а также по материалам РГАСПИ [Лузянин, 1997; 2003; Отрощенко, 2011]. Ряд важных деталей остается неизвестным, в частности, детали подготовки к восстанию и его ход. Изучение документов нескольких российских архивов позволило выявить ряд важных материалов, позволяющих, в сочетании с литературой, реконструировать ход событий в хронологическом порядке.

Во Внутренней Монголии по образцу правившей в Монгольской народной республике (МНР) Монгольской народно-революционной партии (МНРП) была создана Народно-революционная партия Внутренней Монголии (НРПВМ); обе партии тесно взаимодействовали, их курировали Коминтерн и ВКП(б). К основателям НРПВМ относился Мерсэ из Барги и несколько других молодых людей, еще до создания НРПВМ составивших революционную молодежную группу, давшую начало «Народной партии Восточного края», т. е. Барги. В 1924 г., после решения об образовании НРПВМ, они стали особенно активны в надежде достичь независимости или автономии Хулунбуира. Эти идеи не были новыми: при поддержке России Барга пользовалась автономией с подчинением Китаю с 1915 по 1920 гг., а затем Китай отменил эту автономию. Новшеством оказалось соединение идей этих партий с идеями Коминтерна.

Советские дипломаты советовали молодым баргинцам ориентировать на МНРП, имея в виду революционизирование, но не автономию или независимость Барги. В 1924 г., приехав в Улан-Батор, лидеры молодых баргинцев — Мерсэ и Сулфунга — настаивали на необходимости начать активные действия [АВПРФ. Ф. РМ. Оп. 6. П. 109. Д. 7. Л. 178–180]. Затем схожие надежды вновь возникли в 1925 г. — на сей раз

благодаря победе «народных армий» генерала Фэн Юйсяна над правителем Трех восточных провинций (куда была включена Барга) Чжан Цзолинем, однако в итоге Фэн Юйсян потерпел поражение. Тем не менее молодые баргинцы продолжали надеяться на поддержку со стороны СССР, ВКП(б) и Коминтерна. К 1928 г. парторганизация в Барге якобы насчитывала 20 ячеек и около 400 членов [АВГРФ. Ф. РМ. Оп. 10а. П. 268. Д. 1. Л. 243–253], что, очевидно, было преувеличением.

Основные контакты с членами НРПВМ в Барге шли по линии Коминтерна. В феврале 1928 г. на заседании ЦК НРПВМ с докладом выступил представитель ИККИ при ЦК НРПВМ Иван Петрович Степанов (22.08.1890–1959, настоящее имя — Стоян Минеевич Иванов), функционер ИККИ, не имевший опыта работы в Монголии. Судя по заполненной им 26.01.1927 г. анкете, он родился в Болгарии, был русским по национальности, происходил из крестьян, имел высшее медицинское образование, был женат, владел французским, немецким, болгарским, слабо — несколькими другими языками, был профессиональным революционером, пропагандистом и журналистом; состоял в ВКП(б) с 1916 г., в Болгарской СДРП — с 1907 г., с ноября 1917 г. находился на партработе; гражданин СССР [РГАСПИ. Ф. 532. Оп. 12. Д. 4752]. После 1928 г. работал вне Монголии (в 1934 г. — в Австралии [РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 186. Д. 43]). Степанов сыграл важную роль в организации восстания 1928 г.

Содержание доклада И. П. Степанова примечательно: он пишет, что необходимо выработать новое направление работы партии; теперь эта работа должна проводиться не согласованно с «народными армиями» и Гоминьданом¹, «повернувшим в сторону контрреволюции», а самостоятельно и в нелегальных условиях; центр тяжести по согласованию вопросов должен перейти теперь к ЦК МНРП; «тактика вооруженной борьбы должна заключаться в партизанской борьбе с внутренними феодалами и длительной подпольной работе по подготовке вооруженного выступления против китайских и японских империалистов и милитаристов»; панмонголизму надо противопоставить революционное объединение монгольских племен в результате национальной антиимпериалистической и антифеодальной революции; лозунг революционного объединения монгольских племен несомненно теоретически правилен; «следовательно, Коминтерн не против панмонголизма в понимании революционного объединения монгольских племен. Но объединение монгольских племен — дело далекого будущего»; ближайшая задача — «борьба за независимость Внутренней Монголии от китайского милитаризма» [АВГРФ. Ф. РМ. Оп. 9. Д. 15. П. 125. Л. 52–53].

В резолюции, принятой президиумом ЦК НРПВМ в феврале 1928 г. по докладу Степанова, говорилось: «Партия признает японский и китайский панмонголизм империалистическим и контрреволюционным», задача — противопоставить ему «революционное объединение монгольских племен на основе независимости от китайского империализма» и создать народную революционную республику Внутренняя Монголия: «Г. к. китайские милитаристы, не исключая и народных армий, нам враждебны, то вопросы подготовки вооруженного восстания и партизанской деятельности приобретают особо важное значение» [АВГРФ. Ф. РМ. Оп. 10а. П. 268. Д. 1. Л. 292–293; РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 2. Д. 14. Л. 111–112].

¹ То есть с войсками Фэн Юйсяна, к этому времени вступившего в Гоминьдан.

Советский полпред в МНР А. Я. Охтин (Юров) дал негативную оценку выступлению Степанова. Он писал, что с прибытием в Улан-Батор Степанову полностью была передана работа, которая велась до его приезда, что это работник, лишенный политических перспектив, способный вести ячеековую работу лишь по шпаргалкам агитпропа, так и подошедший к работе. Однако Мэрсэ и другие хвалили Степанова как тихого и умевшего ладить работника: «Т. Степанов, стремясь поставить работу ЦК партии Внутрен[ней] Монголии в духе резолюции, подработанной в Комиссии ИККИ, решил оформить ее как постановление ЦК. При этом ввиду того, что Фуминтай, Мэрсэ, Дамба-Доржи и, отчасти, Хорло ставили вопрос о панмонголизме, т. Степанов решил авторитетно дополнить резолюцию отсебятиной о “революционном объединении монгольских племен” и о вооруженном партизанском движении. ...Создание партии посредством вооруженного партизанского движения во Внутрен[ней] Монголии является давнишней мечтой Мэрсэ и Фуминтая. Нашей задачей было всегда их сбивать с этой позиции. Т. Степанов же, не спрашивая совета ни у кого из местных работников, за исключением т. Рейтера... сорвал эту работу» [АВПРФ. Ф. РМ. Оп. 10а. П. 268. Д. 1. Л. 268–271].

1 марта 1928 г. Мэрсэ в составе делегации уехал на конгресс Профинтерна в Москву. Вскоре убийство 4 июня 1928 г. Чжан Цзолия было сочтено удобным поводом для отделения Барги от Китая. Монгольские революционеры Ван Бинчжан и У Вэньсянь, или Намриндорж (члены Компартии Китая) позвонили Мэрсэ, прося вернуться в Монголию, что он и сделал [Atwood, 2002, p. 831].

Тем временем Мэрсэ со своим соратником Буянгэрэл попытались установить связь с молодыми прогрессивными чиновниками в Хайларе, желая тайно пригласить их на собрание, чтобы рассказать о революционных изменениях в СССР и МНР, а затем с их помощью подготовить революцию на местах в Барге. Однако в управление фудутуна (правителя с правами губернатора) Барги пришло об этом донесение, и заговорщикам пришлось отказаться от этой затеи [Мягмарсамбуу, 2017б, с. 86–87]. Они занялись пропагандой. По свидетельству очевидца, «нельзя сказать, чтобы августовское восстание было совершенно неожиданно, ибо ему предшествовал целый поток красной пропагандистской литературы на монгольском языке. В этой литературе разъяснялось, каким образом Внешняя Монголия завоевала себе автономию от Китая под покровительством и руководством СССР, и побуждала последовать этому примеру и баргинцев. За месяц перед началом восстания на станции Маньчжурия китайской полицией было обнаружено большое количество печатной литературы. Сведения об этой литературе полиция получила от живущих здесь советских граждан, и когда об этом узнал советский консул, то он угрожал за эти сведения своим соотечественниками жестокими последствиями. За несколько недель до восстания автору показывали коммерческий отчет, написанный за несколько недель до восстания, в котором определенно и пророчески говорилось о восстании как о результате действий красной пропаганды, проникшей в сознание монгольской молодежи» [АВПРФ. Ф. РМ. Оп. 10а. П. 268. Д. 1. Л. 198–210].

В июле Мэрсэ и его сторонники в Улан-Баторе встретились с агентом Коминтерна А. Климовым и приняли программу о начале новой стадии революции во Внутренней Монголии, включавшую классовую мобилизацию, организацию местного самоуправления, сил самообороны и созыв всеобщего хурала [Atwood, 2002, p. 831–832;

Li, 2006, p. 71]; предполагается, что в этом плане сходились интересы НРПВМ и Коминтерна [Atwood, 2002, p. 832], для чего из Москвы прибыл уполномоченный Коминтерна Степанов, а из Улан-Батора через Сан-бэйсэ (совр. Чойбалсан) на восток МНР проследовали две группы баргинских работников, среди которых были члены ЦК «Баргутской народной партии» (Баргинского отделения НРПВМ)² Мэрсэ, Фуминтай и др. 14 июля они прибыли в район станции Цогтсумбэр (совр. центр сомона Халх аймака Дорнод) [Мягмарсамбуу, 2017б, с. 86–87]. Революционеры стали обсуждать подготовку к восстанию. Из МНР и Барги прибыло 40 человек, в основном монголы — ново-баргуты, а также дауры и солоны [Atwood, 2002, p. 933–834]. С группой Фуминтая и Мэрсэ прибыл Степанов; теперь там созвали чрезвычайный съезд «Баргутской партии», на котором стоял вопрос о вооруженном восстании против Китая и частично против князей [АВПРФ. Ф. РМ. Оп. 10а. П. 268. Д. 1. Л. 221–229]. Съезд проходил с 13 по 16 июля.

Степанов несколько раз выступил на съезде, участвовал в работе комиссии по выработке резолюции, говоря в выступлениях, что Коминтерн и МНП не могут отказать в проведении в жизнь постановлений съезда, в помощи баргинской революции, что он подаст об этом телеграмму [АВПРФ. Ф. РМ. Оп. 9. П. 125. Д. 13. Л. 197–247; РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 2. Д. 14. Л. 143–144].

Член ЦК «Народной партии Барги» Нямжав («Нимажап») в военном докладе сообщил, в какой местности Барги сколько находится солдат, чем они вооружены, предложил организовать армию в 4000 человек, «нанести удар внутренним и внешним реакционерам», для чего нужны оружие и инструкторы. В резолюции съезда предписывалось немедленно приступить к вооружению членов партии, организации военных сил и революционной работе, обратиться за помощью в Коминтерн и ЦК МНРП, командировав от съезда председателя ЦК Нямжава и члена Эрхэмбата («Эрхимбаты»). В секретном постановлении съезда предписывалось провести мобилизацию, вооружить 1000 человек, выступить тремя группами по трем направлениям: первая группа выдвигается на Хайлар, занимает его вооруженной силой и создает народную власть; вторая группа занимает тоннель Хинганского хребта для отпора силам противника со стороны Цицикара и с целью отрезать путь сообщения противника; третья наступает на город Маньчжурия, чтобы перерезать путь между ней и Хайларом. По занятии Хайлара комитет партии образует Управление по руководству государственными делами, а военный совет приступает к формированию армии всей Барги для охраны от внешних и внутренних врагов — Хулунбуирской народной армии. «Подлежит к приему в ближайшее время от Коминтерна 1000 винтовок и 500000³ патронов, должны быть приняты за рекой Халхин-гол на территории Барги в местности Герчилун — 600 шт. винтовок и 300000 патронов и остальные 400 винтовок и 200000 патронов должны быть приняты на территории Барги в местности Хашиято. На 4-й день армия должна быть вооружена и отправиться по своим направлениям, а утром на 6-й день части армии должны одновременно атаковать Хайлар, Маньчжурию и

² «Баргинское бюро Народно-революционной партии Восточного края». В 1925 г. «Народная партия Восточного края» слыхась с НРПВМ под эгидой Коминтерна. Данные 1920-х гг. показывают, что Мэрсэ и его соратники использовали несколько названий для своей организации, в разной форме обозначающих «Народную партию Барги» (см. [Atwood, 2002, p. 834–835]).

³ В других документах упоминается 50 тыс.

Хинганский проход. 8. Обратиться к халхасцам с просьбой о оказании помощи пушками, пулеметами, холодным оружием и винтовками в количестве по усмотрению» [АВГРФ. Ф. РМ. Оп. 9. П. 125. Д. 13. Л. 197–247; см. также: РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 2. Д. 14. Л. 118–128 и др.].

Появлялись сведения, что обещание Степановым винтовок и патронов «благодаря сознательно неправильному переводу речи Фуминтаем» появилось в протоколе съезда [АВГРФ. Ф. РМ. Оп. 10а. П. 268. Д. 1. Л. 221–229]. Однако, судя по переводу протокола, в речах Степанова об этом не говорилось. Очевидно, существовали лишь устные договоренности. Позже назначенный повстанцами главкомом Улзий («Ульдзы»), по происхождению баргут из северных баргут-бурятских хошунов, рассказывал: «Когда поднялся вопрос о вооруженном выступлении против китайцев с целью завоевания политической и экономической свободы для баргутов, то уполномоченный Коминтерна обещал помочь — 1000 шт. винтовок и 50000 патронов» [АВГРФ. Ф. РМ. Оп. 10а. П. 268. Д. 1. Л. 40–42]. Остается неясным, сам ли Улзий слышал это обещание, или, находясь в хошуне Гул-Хух в Барге, узнал о нем от других. По другим данным, Степанов обещал также «70000 денег» — правда неясно, каких именно [АВГРФ. Ф. РМ. Оп. 9. П. 125. Д. 13. Л. 272–298].

Позже, на совещании делегации ИККИ по вопросам Внутренней Монголии 17 ноября 1928 г. его председатель Б. Шмераль говорил, что, по словам Фуминтая, на восстание было дано прямое указание Степанова; в доказательство приводились резолюция и инструкция, однако неясно, видел ли эту инструкцию Степанов. По словам секретаря ЦК НРПВМ Хорло, Степанов высказался в разговоре с ним против восстания. Шмераль беседовал с Хорло, утверждавшим, что Степанов приехал в феврале 1928 г., а в июне Энхбаяр — глава отряда внутренних монголов, примкнувший в 1926 г. к НРПВМ — ездил в Ургу (Улан-Батор) к Степанову для обсуждения положения в сейме Уланцаб. Во время совещания из Барги приехали два делегата, предложившие внести в резолюцию положение о вооруженном восстании. Основания были следующие. Правитель Трех восточных провинций Чжан Цзолинь убит, его мукденские солдаты остались без главы (следовательно, они не смогут выступить на «усмирение» Барги). Другие члены ЦК были против: размеры и население Барги невелики, смерть Чжан Цзолиня для нее не имеет значения; Степанов тоже был против восстания. В итоге приняли резолюцию, где о восстании не говорилось. Вскоре выяснилось, что из Барги едут еще 3–4 делегата, в итоге в июле Степанов и Фуминтай отправились на границу Барги, где и состоялась та самая «партконференция Барги», откуда Степанов вернулся в Улан-Батор, в котором его ждала телеграмма, требующая немедленного выезда в Москву. Не посоветовавшись со Степановым, Мэрсэ уехал из Улан-Батора в Баргу и поднял восстание с 10 винтовками и маузером, которые мог выдать только ЦК МНРП. Однако во время встречи Хорло со Степановым в Москве, последний уверил его, что решение о восстании считает правильным [РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 2. Д. 14. Л. 24–39].

На совещание делегации ИККИ с представителями Внутренней Монголии 26 ноября 1928 г. делегат от НРПВМ Буянбатор говорил: «Об организации Баргинского восстания особого постановления ЦК не было, хотя на этой пограничной конференции, где участвовал Степанов и были разговоры о восстании, но ЦК не было известно, нужно ли начинать вооруженное восстание теперь же немедленно.

Баргинское восстание было поднято без разрешения ЦК, но именем его. Мэрсэ хотел представлять собой весь ЦК и, скрывая от ЦК, он поднял восстание с дикарским чувством, что он будет руководителем большого движения, которое из этой победы разовьется». Шмераль отметил: «Я запросил Москву, и мне ответили, что Мэрсэ намекал на возможность поднять восстание, но ему было категорически запрещено это» [РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 2. Д. 14. Л. 78]. Противоречивые объяснения свидетельствуют о поддержке идеи восстания Степановым, являвшимся официальным представителем Коминтерна и имевшим право выступать от его имени.

Чрезвычайный съезд баргинского отделения НРПВМ завершился 16 июля, а на следующий день начался VI конгресс Коминтерна (17 июля — 1 сентября 1928 г.), на который и уехал Степанов, а с ним несколько членов «Баргинской партии». От Степанова потребовали объяснений. По итогам из НКВД Охтину сообщили: «Объяснения, которые дал здесь т. Степанов, не могут рассеять версии о степени его участия в конференции, которая передавалась Вам монголами, и определенно неудовлетворительны. Он говорит о комиссионной разработке плана выступления “на всякий случай”, тем самым лишь подтверждая самый факт обсуждения конференцией проекта восстания... Если монголы будут продолжать делать попытки приписывать действия т. Степанова Коминтерну, Вам надо со всей решительностью возражать против такого неосновательного отождествления» [АВПРФ. Ф. РМ. Оп. 9. П. 125. Д. 13. Л. 74–76].

Задалась советская дипломатия и вопросом о деятельности бывшего консула в Хайларе М. И. Юлина в 1926–1927 гг. Новый состав консульства получил сведения, что Юлин не ограничивался сбором сведений о политике и экономике Барги, «но принимал живое и активное участие в работе подпольной монгольской организации, причем его деятельность простиралась до разработки плана вооруженного восстания в Хайларе. Дело дошло до того, что на одном из заседаний местной советской партийной организации были распределены даже обязанности по выполнению этого плана между ее членами и намечены военные организаторы. Делалось это даже без соблюдения необходимой конспирации, и естественно, что те или иные сведения просачивались и доходили до слуха широкой публики и, конечно, китайских властей. Когда же приступил к работе консула тов. Аникин, который не только не был склонен продолжать дело Юлина, а вообще не интересовался Баргой, ограничивая свою деятельность Хайларом, то все же, несмотря на это у всех осталось убеждение, что консульство связано с движением молодых баргутов, удачно конспирируя эту связь. Если же к этому учесть значение поездки Аникина в Самбейс⁴ за неделю до восстания, в то время как там был Мэрсэ, то нужно сказать, что у китайцев были серьезные основания подозревать нас в связях с повстанцами. И потому, когда разыгрались события, консульство было поставлено перед тем фактом, что не только китайские власти и население, но и люди, очень близко стоящие к консульству, как, например, руководители местной партийной организации, была уверены в том, что мы поддерживаем восстание» [АВПРФ. Ф. РМ. Оп. 9. П. 125. Д. 13. Л. 48–50].

Центром подготовки восстания стал баргинский хошун Гул-Хух, граничивший с хошуном Халхин-гол МНР [РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 2. Д. 12. Л. 105а]. Когда Мэрсэ и его

---

⁴ Хошун Сан-бэйсэ.

соратники находились на востоке МНР, к ним примкнули представители разных хошунов Барги: Бумбэ (Джамсранжав), даур Айсан, бурят Ловх, солон Гундбу, олёт Сэнгэ, принявшие разработать план восстания и решившие создать его плацдарм в баргинском хошуне Гул-Хух. Затем в лесистой местности Тавгын-Уха в этом хошуне тайно собрались Бумбэ, Айсан, Ловх (прибывшие из МНР), а также Улзийбатор, Мижигсэнгэ, Дамдинжав, Гурсэд, Джаргал, Аюрзана, Гундбу, чиновники восточного хошуна Новой Барги Чойжин-Минжур, Дансранжав, Мэнд-гун, Сэргэлэн-гун, Гэлэг-Намжил, Мижигсэнгэ. На совещании заговорщики выработали план восстания [Мягмарсамбуу, 2017б, с. 86–87, 2018, с. 135; Цыбенев, 2017, с. 131]. Предполагали наступать от Керулена на станцию Маньчжурия (Нямжав); из хошуна Гул-Хух на Хайлар (Фуминтай); из хошуна Гул-Хух в сторону Хинганского тоннеля (Мэрсэ). Во время съезда специальных повстанческих отрядов еще не существовало, но в состав хошунных отрядов входили многие сторонники НРПВМ. Когда началось восстание, оружие они достали в хошунных управлениях, отняв у китайцев и русских (видимо, купцов и частных граждан) [ЦАФСБ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 378. Л. 74–75; РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 2. Д. 14. Л. 94–104]. По рассказам монгольского очевидца, в хошуне Гул-Хух собирали лошадей, провизию, ружья у населения, имущество бежавших чиновников конфисковали [Atwood, 2002, p. 849].

Узнав о съезде революционеров на востоке МНР через шинэхэнских бурят (а те — от халхингольских бурят), баргинские власти решили арестовать партийцев в Хайларе. В случае благоприятных обстоятельств князь решил взять движение в свои руки. Некоторые партийцы бежали в хошун Гул-Хух и на курорт Халун-Аршан [ЦАФСБ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 378. Л. 74–75; РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 2. Д. 14. Л. 94–104].

Прежде всего баргинские революционеры решили передать властям Барги требования о восстановлении ее автономии [Мягмарсамбуу, 2017б, с. 88] и в конце июля послали Фуминтая в Хайлар, отправив также ультиматум властям Барги от имени правительства МНР с требованием, чтобы Гуйфу — фудутун Барги отрекся от власти в пользу того, кого назначат из МНР. Гуйфу стал совещаться со своими чиновниками, и мнения разделились: Гуфу и часть чиновников хотели отвергнуть ультиматум, тогда как один из помощников фудутуна — Цэнд-гун предпочитал принять предложения своего племянника Фуминтая. По итогам дискуссии собрание направило в Тамсаг-Булак делегацию для обсуждения будущего Барги; в инструкциях говорилось о ее желании объединиться с МНР. Однако переговоры не состоялись: по дороге делегацию встретили и задержали повстанцы, причем вести о судьбе делегации добрались в Хайлар лишь 8 августа [Atwood, 2002, p. 844–845, 848].

По другим данным, в конце июля «представитель Союза профсоюзов Монголии» Мэрсэ с передового пограничного поста МНР на границе с Баргой — Тамсаг-Булака проехал в г. Хайлар, где его попытались задержать китайские власти, но он сумел уехать в сторону МНР. В связи с пребыванием Мэрсэ в Хайларе и городе Маньчжурия стали распространяться слухи, что среди баргутов идет подготовка к восстанию против маньчжурских властей под руководством Улан-Батора [АВПРФ. Ф. РМ. Оп. 9. П. 125. Д. 13. Л. 69–73]. Главком Чойбалсан и военный министр Дэндэв командировали в хошун Гул-Хух происходившего из северных баргут-бурятских хошунов Улзия с поручением следить за ходом разворачивающихся событий и в случае

надобности помочь повстанцам активным участием [АВПРФ. Ф. РМ. Оп. 10а. П. 268. Д. 1. Л. 40–42].

Слухи о съезде монголов в приграничном с Халхой районе, затем — о делегации Халхи в ямынь Барги появились в Хайларе в последних числах июля. В Хайларе стало нарастать беспокойство: говорили, что к повстанцам примкнули все хошуны Барги, кроме двух, находившихся в ведении Эрхэм-ухэриды [ВПРФ. Ф. РМ. Оп. 10а. П. 268. Д. 1. Л. 221–229. Оп. 9. П. 125. Д. 13. Л. 63–68].

Восстание в Барге началось в августе 1928 г. 4 августа поступили сведения, что в Хайларе китайский генерал Чжан Минцзю взял на себя охрану города, а начальник полиции ведет регистрацию бывших белогвардейцев на предмет их вооружения. 5 августа в Хайлар вернулся даоинь, прибыл начальник гарнизона города Маньчжурия генерал Лян. Ночью было введено патрулирование солдатами и полицией, но официально военное положение не объявлялось [АВПРФ. Ф. РМ. Оп. 9. П. 125. Д. 13. Л. 63–68].

6 августа Буянгэрэл сообщил 15-му конному погранотряду МНР в Тамсаг-Булак, сколько людей и в каких местах Барги готовы к восстанию, какие на это поступили пожертвования, где и сколько китайских солдат находится на КВЖД и т. д. [Мягмарсамбуу, 2017б, с. 88; 2018, с. 140–141]. В тот день в Хайларе стали распространяться слухи о нападении «монгольских хунхузов» на курорт Халун-Аршан [АВПРФ. Ф. РМ. Оп. 9. П. 125. Д. 13. Л. 63–68]. Эти слухи имели под собой основания. По свидетельству шофера Б. В. Рассветина, ездившего 7–9 августа из Хайлара на этот курорт, по дороге его остановила вооруженная группа. Он показал пропуск, выданный хайларским ямынем. Остановившие сказали, что пропуск недействителен и повезли в штаб, где бурят на хорошем русском языке объяснил, что произошел переворот, образовалась народная власть, сообщение с Хайларом прервано и автомобиль переходит к штабу. Приказали ехать в Хандгай, куда шофер повез оружие и патроны [АВПРФ. Ф. РМ. Оп. 10а. П. 268. Д. 1. Л. 14–17].

7 августа в Хайларе прошел слух, что в 40 верстах находится 100 «халхинских» (из МНР) машин с войсками, отдельной группой идет «халхинская» кавалерия. 8 августа к советскому консульству в Хайларе прибыл даоинь Чжао и его заместитель Хэ. Даоинь сказал, что недавно на границе с Халхой был съезд молодых баргутов, решивших изменить способ правления в Хулунбуире, но тревожиться не надо: прибывает полк солдат из Цицикара. 9 августа в советское консульство в Хайларе пришел коммерсант Шаолин и подтвердил прибытие из города Маньчжурия в Хайлар начальника японской военной миссии Кавамамото с предостережением ямыню, что при возникновении беспорядков Япония введет войска в Баргу. Он сообщил, что движением руководят Мэрсэ и Фуминтай, из Цицикара прибыл полк солдат, а в Хандгай (по словам приезжавших оттуда) — отряд «халхинцев» (т. е. из МНР) в 20 чел. и расположился с баргинскими солдатами [АВПРФ. Ф. РМ. Оп. 9. П. 125. Д. 13. Л. 63–68].

В ночь с 8 на 9⁵ августа в местность Хандгай («Хандагай») в нескольких верстах от Халхин-гола (т. е. от границы с МНР), где находился монгольский (баргутский) охранный отряд, прибыл Мэрсэ в сопровождении 7 человек. К нему присоединились еще 10 всадников. Охранный отряд в 100 человек под командой Готова перешел на

⁵ По другим данным — 6 августа [Atwood, 2002, p. 849], по третьим — 7. Я датирую по данным Мэрсэ (см. ниже).

сторону повстанцев [Atwood, 2002, p. 849], где сформировали монгольский охранный полк «Хулунбуирской народной армии» и послали известия в хошуны [РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 2. Д. 14. Л. 94–104]. Штаб Мэрсэ находился в нескольких верстах от Хандгай, туда за пропусками ездили курортники из Халун-Аршана [АВПРФ. Ф. РМ. Оп. 9. П. 125. Д. 13. Л. 63–68]. Начальником штаба стал Хорло (он же Эрхэмбат), его помощником — один из сыновей Цэнд-гуна, начальником гарнизона — племянник Цэнда. Некоторые выборные посты у повстанцев занимали русские белые. Главными требованиями повстанцев были автономия Барги, отъезд из нее китайских властей и вывод китайских войск [АВПРФ. Ф. РМ. Оп. 10а. П. 268. Д. 1. Л. 189–197].

Бумбэ и другие, открыто агитировавшие в одном из сомонов хошуна Гул-Хух, собрали около 200 человек и создали «1-й конный полк Хулунбуирской народной армии». Улзий был назначен главнокомандующим, Фуминтай — начальником штаба этой армии. Мэрсэ возглавил предполагаемый орган партийного контроля — «Военный совет Хулунбуирского восстания молодежи». Но повстанцы так и не смогли создать единые вооруженные силы [Atwood, 2002, p. 850].

9 августа Мэрсэ произнес перед курортниками с Халун-Аршана речь такого содержания: «Я, Мэрсэ, пришел со своими товарищами-халхинцами, чтобы объявить вам, что мы пришли освобождать угнетенных наших братьев-баргутов. Мы, халхинцы, давно уже объявили народную власть и влились в СССР и Коминтерн. Теперь в согласии с последними мы пришли помочь баргутам освободиться от своих угнетателей и присоединиться к нам, объявив народную власть. До сих пор, пока был жив Чжан Цзолинь, это сделать было очень трудно, теперь, когда Чжан Цзолинь умер, сделать это легко. Сейчас наши войска идут на Хайлар и Хинган, и через 5 дней территория Барги от Хингана до Маньчжурии будет в наших руках. Вы все, проживающие здесь, лечитесь спокойно, через 5 дней сообщение с Хайларом восстановится, и вы сможете уехать, куда хотите. Да здравствует народная власть, да здравствует СССР, да здравствует Коминтерн!» После появления Мэрсэ в районе Халун-Аршана и провозглашения власти Советов между лечившимися там советскими гражданами и эмигрантами установилась глухая вражда, причем и те и другие верили, что Мэрсэ действует от имени Коминтерна и СССР [АВПРФ. Ф. РМ. Оп. 9. П. 125. Д. 13. Л. 182–187].

В Хандгае Рассветин узнал от Мэрсэ, что на Аршане китайские солдаты бежали, там тоже установилась народная власть. По пути в монастырь Даяндэн-сумэ выяснилось, что народная власть установилась и там. Шофер и его пассажиры-курортники хотели встретиться с местным ухэридой, но оказалось, что он сбежал. Сборный пункт повстанцев был назначен на реке Шаральжин-гол; в районе монастыря Ганджур-сумэ прошло собрание, на котором решили, что гэгэн (святитель) этого монастыря поедет в Улан-Батор. Шофер видел, как по дороге останавливали и забирали в штаб китайские машины (на дороге уже стояли 5 машин). 15 августа Мэрсэ должен был сделать налет на станцию Хинган (в районе Хинганского тоннеля) и отрезать Хайлар с запада и востока. Пришли сведения об обстреле дозора повстанцев китайцами верстах в 20-ти от Даяндэн-сумэ [АВПРФ. Ф. РМ. Оп. 10а. П. 268. Д. 1. Л. 14–17].

Мэрсэ рассказывал Рассветину следующее: «Нас группа несколько человек, заняли Хандгай с 8 на 9 августа. У нас было 2 бомбы, 2 маузера и 4 ружья. По заранее разработанному плану мы надеялись заставить гольду перейти на нашу сторону, и в будущем развивать повстанческое движение. Но гольды в юрте не оказалось, он был в

Хайларе. Тогда мы созвали собрание и спросили народ, желает ли народ воевать и добиваться автономии Барги. Часть народа согласилась тотчас же, и мы образовали отряд около сотни человек, разослали во все концы гонцов и призывали присоединиться к нам. Все идет к успеху, настроение у народа превосходное, и только вопрос оружия ставит нас в тупик. Но мы надеемся на Ургу, куда уже посланы наши представители, которые ходатайствуют о снабжении нас оружием. Но мы и сами надеемся увеличить наше оружие в боях с китайцами. Мы народ кочевой, и китайцам будет очень трудно воевать с нами. Тем более что и на юге Китая их дела не так завидны. А у нашего народа энергии очень много». На следующий день Рассветин со спутниками приехали на озеро Буир-нур и узнали, что при перестрелке с китайцами захвачено оружие, китайцы бежали к Хаин-голу, монастырь Ганджур-сумэ взят повстанцами. В ту же ночь Мэрсэ и еще 8 человек отправились в Ганджур-сумэ. Повстанцы Мэрсэ и Фуминтая заняли Ганджур-сумэ и Домбо-сумэ 10 или 11 августа, организовав в Ганджур-сумэ штаб отрядов хошуна Гул-Цаган и поручив руководство Мэнд-гуну. Повстанцы конфисковали печать сомона, а у феодалов — скот для пропитания. Несколько семейств выгнали на запад (в сторону границы МНР) — к реке Аршан-гол. Из Хайлара были высланы превосходящие силы; Мэрсэ с отрядом отступил к Хандгаю. На другой день штаб в Буире расформировался [АВПРФ. Ф. РМ. Оп. 10а. П. 268. Д. 1. Л. 14–17; Мягмарсамбуу, 2017б, с. 91].

10 августа управления фудутуна и даоиня послали некоего «Хан-Ю-Шоу» с письмом, в котором предложили Мэрсэ покинуть Хулунбуир, в противном случае угрожая подавить восстание военной силой. В ответ Мэрсэ стал готовиться к вооруженной демонстрации [РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 2. Д. 14. Л. 94–104; Мягмарсамбуу, 2017б, с. 91].

10 августа даоинь вызвал фудутуна Гуйфу, его помощников Цэнда и Фушана, полковника Лю и других. Вокруг Хайлара были выставлены пикеты. Племянник Цэнда сообщил, что действительно приезжали делегаты из Халхи по вопросам объединения, а ямынь ответил согласием в случае, если движение будет поддержано извне [АВПРФ. Ф. РМ. Оп. 9. П. 125. Д. 13. Л. 63–68].

11 августа солдаты из нескольких хошунов Новой Барги во главе с Ядамсурэном, Буянбатором, Сэргэлэн-гунум, Дагсурэнжавом, Намжилдондовом, Мишигом, Инсурэном, Шагдаром и Нямжавом выдвинулись на защиту КВЖД между Хайларом и станцией Маньчжурия [Мягмарсамбуу, 2017б, с. 91]. В тот же день с просьбой информировать о положении Аникина посетил Гуйфу, сообщивший о своем возвращении из поездки к Хандгаю, куда он, однако, побоялся прибыть, т. к. там находился Мэрсэ. Военные власти Хайлара искали пулеметчиков из числа русских. Паника перекинулась на белых; на китайские войска они не надеялись, вели с ними переговоры о получении оружия. Руководителем организуемого отряда стал полковник Бычков [АВПРФ. Ф. РМ. Оп. 9. П. 125. Д. 13. Л. 63–68].

12 августа около полудня на 13 машинах выступил из Хайлара в степь китайский отряд до 250 пштыков с 3 пулеметами и 1 машиной с врачами. В городе паника усиливалась, все желающие уехать не помещались в поезда. Белые на улицах открыто объявляли, что скоро будут «вешать большевиков и жидов». Советский консул поехал к даоиню, заявившему, что движение организовали молодые баргуты во главе с Мэрсэ, их немного и находятся они в двух пунктах: Хандгае и местности «Белый Хошун» (Гул-

Цаган. — С. К.) у Ганджура; в степь же послан отряд для демонстрации. При этом даоинь привел к консульству жену и детей, чтобы показать, что не эвакуирует свою семью. Даоиня посетила делегация белых, предлагавших услуги по охране города, на что даоинь ответил, что тогда придется вооружать и большевиков, иначе консул заявит протест. В городе распространился слух, что в 150 верстах от Хайлара появились 1500 всадников-солонов [АВГРФ. Ф. РМ. Оп. 9. П. 125. Д. 13. Л. 63–68].

Очевидно, даоинь вел с Аникиным переговоры о возможности перевозки китайских войск в Хайлар по КВЖД, но консульство давало лишь туманные ответы. Часть советских служащих КВЖД была готова саботировать требования китайского командования о перевозке войск. Такое положение сохранялось до разъяснения «Центра» о характере движения и содействии китайским властям. Консулу предписывалось разъяснить последним советскую позицию, но он до того встретился с представителями повстанцев, чтобы уведомить их об отношении советских властей к их движению. Встреча с Фуминтаем («Хулинтаем») ни к чему не привела: в Москве ее сочли неосторожным шагом [АВГРФ. Ф. РМ. Оп. 9. П. 125. Д. 13. Л. 48–50].

Однако узнав о посылке 12 августа войск управлением (ямынем) фудутуна, Мэрсэ приказал открыть военные действия одним конным отрядом утром 16-го августа [РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 2. Д. 14. Л. 94–104]. Между тем, утром 13 августа из Хайлара в степь был выслан отряд кавалерии (40 монголов от ямыня⁶, остальные — китайцы), позже — отряд пехоты на небольших подводах. Комендант станции потребовал от советского консульства специалистов по ремонту пулеметов. Люди запасались мукой [АВГРФ. Ф. РМ. Оп. 9. П. 125. Д. 13. Л. 63–68], очевидно, ожидая разрыва в снабжении вследствие восстания. В тот же день в городе Маньчжурия китайские военные власти взяли на регистрацию все частные машины и больше половины их сразу отправили «в Монголию». От плохой эксплуатации машины ломались, их возвращали владельцам, а взамен брали другие. Кроме того, на верблюдах был отправлен багаж китайской кавалерии. Предполагалось, что в качестве базы китайских войск намечен «Керуленский мост около Адун-Чулуна». Кроме того, китайские войска были направлены из Хайлара к Ганджур-сумэ и расположились от него в 30 верстах у озера Давасу-нор, где не произошло столкновений с повстанцами, кроме единичных перестрелок. Одновременно по железной дороге стали прибывать войска, группировавшиеся в Хайларе и Маньчжурии (по сообщениям — около 15 тыс. человек). В Маньчжурию прибыли 6 аэропланов (из них 3 гидроплана), расположившиеся в Лубиньфу [АВГРФ. Ф. РМ. Оп. 10а. П. 268. Д. 1. Л. 4–13].

14 августа в Хайлар прибыл генерал-губернатор Хэйлунцзянской провинции Ван Фулин, 15 августа посетивший советское консульство, а затем отправившийся на станцию Маньчжурия. Ван Фулин хотел решить дело мирно, поэтому Мэрсэ послал письмо с запросом о его условиях. Цэнд-гун находится под домашним арестом и

⁶ По другим данным, при ямыне фудутуна был создан отряд в 100 шэнэхэнских бурят и 100 мобилизованных баргутов. Баргутский отряд разбежался, и 20–30 чел. из него оказалось в Буир-нурском отделении Государственной внутренней охраны (ГВО) МНР, где находился и Ши-угурда. Баргуты стали переходить границу, желая стать гражданами МНР. Вопросом перехода границы занималась комиссия МНР: нач. ВПО ГВО Бурин, представитель минюста Дэлгэрсан, представитель штаба МНРА Дарьжав и др. Выезд из МНР в Маньчжурию временно прекратили [АВГРФ. Ф. РМ. Оп. 10а, П. 268. Д. 1. Л. 221–229].

подпиской о невыезде из Хайлара. Ямынь распорядился, чтобы баргут-монголы между Хайларом и районом действий повстанцев перекочевали на север от Аргуни, где шло их массовое движение [АВПРФ. Ф. РМ. Оп. 9. П. 125. Д. 13. Л. 63–68].

С 15 августа страницы японской и субсидируемой японцами китайской прессы были полны сенсациями о событиях в Барге: писалось, что монголы находятся под прямым руководством советских военачальников, что повстанцы носят красные повязки, что на организацию восстания Борискин и заместитель директора КВЖД М. М. Лашевич отвезли монголам 200 тыс. или 2 млн. рублей золотом и т. д. [АВПРФ. Ф. РМ. Оп. 9. П. 125. Д. 13. Л. 56–59].

В целом, к 15 августа картина была следующей. Занявшие часть территорий хошунов Хувут-Хух и Гул-Шар повстанцы из хошуна Гул-Хух 16 августа двинулись на север, согласно плану наступления (см. выше). Западная группа повстанцев двинулась вдоль границы в сторону станции Маньчжурия, заняв территорию до озера Далай-нор и на следующий день атаковала КВЖД между станциями Маньчжурия и Хайлар. Центральная группа повстанцев подошла к Хайлару недостаточно близко для атаки, вместо этого пройдя по центральным и западным частям Левого крыла Новой Барги, захватывая монастыри и заставляя людей перемещаться к границе [Atwood, 2002, p. 866–867].

Восточная группа повстанцев (общей численностью 100 человек во главе с Мэрсэ, Фуминтаем и Гончижавом [Atwood, 2002, p. 867] вышла 16 августа ночью из Хандгайта и в 3 часа утра атаковала китайцев на станции Унур. Баргутов было 40–50 всадников, вооруженных только винтовками. Китайский гарнизон составлял 24 штыка. Монголы предложили им сдаться. Началась перестрелка, китайцы вызвали бронепоезд со станции Мяньюхэ, в котором находилось ок. 200 пехотинцев [АВПРФ. Ф. РМ. Оп. 10а. П. 268. Д. 1. Л. 189–197]. Пройдя Унур, бронепоезд двинулся на Хайлар, где его обстреляли монголы-баргуты. Ответным огнем двое были убиты, многие ранены. В двух местах монголы разобрали путь, порвали телеграфный провод, убили двух рабочих-китайцев за отказ разобрать рельсы. В 9 часов утра на Мяньюхэ были отправлены 5 теплушек с 60 солдатами; вспомогательным поездом туда же выехал полковник Ли. Поезда встали, а после полудня повстанцы отошли⁷, двинувшись от Унура на запад и повредив пути, ведущие от станции на запад и восток. Повреждена была и телеграфная линия, что повлекло перерыв в связи, восстановленной только к вечеру [АВПРФ. Ф. РМ. Оп. 10а. П. 268. Д. 1. Л. 189–197].

Началась починка телеграфной линии. Днем советского консула посетила делегация советских граждан Хайлара и Маньчжурии с просьбой о содействии по отправке семей с курорта Аршан. Делегаты просили китайские власти выделить для этого 1–2 машины. Днем Аникина посетил Хэ Жумин и от имени даоиня сообщил о событиях на станции Унур, где, по его словам, находились 200 монголов. Посланец сообщил, что Мэрсэ обещал предоставить курорту продовольствие. В 11 часов вечера позвонили от даоиня, сообщая, что монголы появились у станции Хакэ (в 30 верстах от города): говорили, что на японской лесной концессии велась стрельба. 16 августа

⁷ Поезд атаковал баргинский отряд под командой Идамсурэна, который убил китайских рабочих. Несмотря на пулеметный огонь с поезда, баргуты выстрелами испортили паровоз, из прикрытия открыли огонь по вагонам, заставили китайцев отступить. Только по прибытии другого состава китайцы отогнали монголов [АВПРФ. Ф. РМ. Оп. 10а. П. 268. Д. 1. Л. 221–229].

генерал Ван Фулин прибыл в город Маньчжурия и в тот же день уехал обратно в Цицикар; перед поездом Ван Фулина шел бронепоезд. Имелись сведения, что во время пребывания Ван Фулина в Маньчжурии он приказал вступить в переговоры с повстанцами и пойти на просимые ими уступки, для чего китайские посланцы несколько раз ездили к ним на автомобилях и совещались. Это происходило, пока Ван был в Маньчжурии, после же его отъезда китайцы перестали говорить об уступках и повели речь о подчинении Барги, о возвращении ее в статус, предшествовавший восстанию (с возложением убытков на баргутов) [АВПРФ. Ф. РМ. Оп. 10а. П. 268. Д. 1. Л. 4–13].

Утром 17 августа повстанцы западной группы (ок. 100 всадников) напали на КВЖД у станции Цаган и развилки Аргунь. Здесь они обстреляли эшелон китайских солдат, в котором проезжало 500 человек пехоты из города Маньчжурия в Хайлар, а также и следующий за ним спецпоезд генерала Ван Фулина. Ни одна из сторон не понесла потерь во время перестрелки, но при нападении на развилку Аргунь повстанцы расстреляли двух китайских полицейских, у станции Цаган разобрали путь и спилили телеграфные столбы (за отказ разобрать путь были убиты два китайца). К вечеру сообщение было восстановлено: после перестрелки повстанцы ушли в сопки и больше не показывались. Произошло и столкновение повстанцев с китайскими войсками в районе озера Далай-нор. Всего во время столкновений с китайскими войсками у КВЖД 16 и 17 августа повстанцы потеряли убитым одного человека; китайцы — трех солдат убитыми и одиннадцать ранеными, были убиты двое полицейских и трое рабочих [АВПРФ. Ф. РМ. Оп. 10а. П. 268. Д. 1. Л. 189–197]. По свидетельству же повстанцев, потери выглядели иначе: у станции Унур убито 20 китайских солдат, потери повстанцев — 1 (взят в плен); у станции Цаган убито два китайских офицера и несколько солдат [РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 2. Д. 14. Л. 94–104].

Таким образом, молодые баргинские революционеры во главе с Мэрсэ решили воспользоваться убийством Чжан Цзолия в надежде, что его солдатам будет не до подавления восстания. Целью восстания была не только автономия Барги, но и революция — свержение власти феодалов по образцу МНР. Баргинские революционеры надеялись на курировавший их Коминтерн, представитель которого И. П. Степанов пообещал им оружие. Повстанцы разработали план восстания и начали с переменным успехом воплощать его в жизнь, пользуясь фактором внезапности и тем, что китайцы сразу не успели подтянуть и перегруппировать свои силы. Отсутствие оружия, обещанного Степановым, начало сказываться уже в начале восстания.

Литература / References

- Базаров Б. В. *Генерал-лейтенант Маньчжоу-го Уржин Гармаев*. Улан-Удэ, 2001 [Bazarov B. V. *Manchoukuo Lieutenant-General Urjin Garmaev*. Ulan-Ude, 2001 (in Russian)].
- Базаров Б. В. *Неизвестное из истории панмонголизма*. Улан-Удэ, 2002 [Bazarov B. V. *Unknown from the History of Pan-Mongolism*. Ulan-Ude, 2002 (in Russian)].
- Лузянин С. Г. Из истории баргинского восстания 1928 г. (по материалам российских архивов). *VII Международный конгресс монголоведов. Доклады российской делегации*. Улан-Батор, 1997. С. 32–36 [Luzyanin S. G. From the history of the Bargin Uprising of 1928 (based on materials from the Russian archives). *VII International Congress of Mongolists. Reports of the Russian delegation*. Ulaanbaatar, 1997. Pp. 32–36 (in Russian)].

- Лузянин С. Г. *Россия — Монголия — Китай в первой половине XX в.* М., 2003 [Luzyanin S. G. *Russia — Mongolia — China in the 1st half of the 20th Century.* Moscow, 2003 (in Russian)].
- Мягмарсамбуу Г. *Бус нутаг, монголын түүхэн дэх Барга: улс төрийн түүх (1900–1960 он).* Улаанбаатар, 2017(a) [Myagmarsambuu G. *The Barga Region in the History of Mongolia: Political History (1900–1960).* Ulaanbaatar, 2017(a) (in Mongolian)].
- Мягмарсамбуу Г. *Хөлөнбуйрын монголчуудын 1928 оны зэвсэгт бослого. XX зууны Монгол: түүх, соёл, геополитик, гадаад харилцааны тулгамдсан асуудлууд.* Улаанбаатар, 2017(б). X. 82–99 [Myagmarsambuu G. *Armed rebellion of the Hulunbuir Mongols in 1928. Mongolia of the 20th Century: problems of the history, culture, geopolitics.* Ulaanbaatar, 2017(b). Pp. 82–99 (in Mongolian)].
- Мягмарсамбуу Г. *Баргын түүх, угсаатны зүй. Тэргүүн боть. Баргын түүхэн товчоон (1734–1960 он).* Улаанбаатар, 2018 [Maygmarsambuu G. *The History and Ethnography of Barga. Vol. 1. Brief History of Barga.* Ulaanbaatar, 2018 (in Mongolian)].
- Отрощенко И. В. *На шляху до Великої Монголії (панмонгольський рух у 1920–1930-ті роки).* Київ, 2011 [Otroshchenko I. V. *On the Road to Great Mongolia (Pan-Mongolian Movement in 1920s–1930s).* Kyiv, 2011 (in Ukrainian)].
- Рубин Г. Монголын тусгаар тогтнолын төлөө Мэрсэ (Mersee)-ийн үйл ажиллагаа. *Монгол улсын Их сургууль. Нийгмийн шинжлэх ухааны сургууль. Эрдэм шинжлэгээний бичиг. Түүх.* 2008. Б. 7. X. 173–195 [Rubin G. *The Activity of Mersee for Independence of Mongolia. Mongolian State University. School of Social Sciences. Collection of Scientific Works. History.* 2008. 7. Pp 173–195 (in Mongolian)].
- Тарасов А. П. *Забайкалье и Китай.* Чита, 2003 [Tarasov A. P. *Transbaikalia and China.* Chita, 2003 (in Russian)].
- Цыбенков Б. Д. Национально-освободительное движение в Хулун-Буире в первой трети XX в. и визит в регион Панчен-ламы IX в 1931 г. *Известия Иркутского гос. университета. Серия История.* 2017. Т. 21. С. 128–135 [Tsybenov B. D. *National Liberation Movement in Hulunbuir in the 1st Third of the 20th Century and the Panchen Lama's Visit to the Region in 1931. Izvestiya Irkutskogo Universiteta. Seriya Istoriya.* 2017. 21. Pp. 128–135 (in Russian)].
- Atwood C. P. *Young Mongols and Vigilantes in Inner Mongolia's Interregnum Decades, 1911–1931.* Vol. 1. Leiden, Boston, Köln. 2002.
- Bulag U. *The Mongols at China's Edge. History and the Politics of National Unity.* Lanham, 2002.
- Lattimore O. *The Mongols of Manchuria.* London, 1935.
- Liu X. *Reins of Liberation. An Entangled History of Mongolian Independence, Chinese Territoriality and Great Power Hegemony, 1911–1950.* Stanford, 2006.

Архивные документы / Archive documents

- Архив внешней политики Российской Федерации, Москва (АВПРФ) [Archive of Foreign Policy of Russian Federation, Moscow]. Фонд Референтура по Монголии. Опись 6. Папка 109. Дело 7.
- АВПРФ. Фонд Референтура по Монголии. Опись 9. Папка 125. Дело 13.
- АВПРФ. Фонд Референтура по Монголии. Опись 9. Папка 125. Дело 15.
- АВПРФ. Фонд Референтура по Монголии. Опись 10а. Папка 268. Дело 1.
- Российский государственный архив социально-политической истории, Москва (РГАСПИ) [Russian State Archive of Social and Political History, Moscow]. Фонд 495. Опись 186. Дело 43.
- РГАСПИ. Фонд 514. Опись 2. Дело 14.
- РГАСПИ. Фонд 532. Опись 12. Дело 4752.
- Центральный архив ФСБ России, Москва (ЦАФСБ) [Central Archive of the Federal Security Service]. Фонд 2. Опись 2. Дело 378.